

Шлок. комсомолец, 1988, 3 окт.

С. Есенин. 1925 год.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

«ВЕРСТЫ ВСЕ ПОТЯСЕННОЙ ЗЕМЛИ...»

«Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...». Таким мгновенным чудом кажется нам и явление поэзии Сергея Есенина.

9 МАРТА 1915 года Александр Блок отметил: «Днем у меня рязанский парень со стихами». Сохранилась записка Есенина Елоку: «Я поэт, приехал из деревни, прошу меня принять». На записке — слова Блока: «Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет, стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 9 марта 1915 года».

Так началась известность Есенина, пришедшего к нам из рязанского села Константиново, где поэта всегда ждала мать, Татьяна Федоровна. В 1917 году он скажет, обращаясь к ней, «терпеливой»:

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

22 января 1918 года Блок записывал: «Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем «утре России» в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: «изменники». Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно». Блок и Есенин — в одном стане: красном. И в историю советской эпохи они вступают как поэты Великого Октября.

Там за горами горя солнечный край непочтатый,
За голод, за моря море шаг миллионный печатай!

Это уже Владимир Мая-

Велимир Хлебников... О нежность — Есенин; стихийность, ветер, мятеж — Блок. Между тем Блок первым сказал, что бойцы революции идут «державным шагом». И державным шагом, государственным умом был щедро наделен Есенин. А самое пронзительное, самое величавое, что сказано в стихах памяти Есенина, — сказано, наверное, Маяковским.

РУССКАЯ удаля, русское богатство роднит поэтов революции. Достаточно услышать, как Есенин читает монолог Хлопуши из «Пугачева».

Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

«Изумительно искренно, с невероятной силой...» — таким запомнил Горький чтение Есениным именно этих строк... Леонид Мартынов советовал: «...не пренебрегайте рассеянно прозой Сергея Есенина — современника Ленина, Циолковского и Эйнштейна». Он имел в виду мысли Есенина о космическом будущем человечества. И то, что масштабы величайшей эпохи XX века.

Не случайно Николай Рубцов ощущал, что «с «Левым маршем» в лад негромкие есенинские песни так громко в сердце бьются и звучат!». Конечно, Есенина, при всей его нежности, никак не назовешь поэтом «негромким», а уж тем более — «тихим лириком». И Рубцов это глубоко понимал, высказавшись в другом стихотворении так:

Восток все потрясенный

Увлечение профессора из Падуи

В ОДНУ из поездок по Италии мне довелось побывать в старинном университетском городе Падуе, на севере страны. Перед отъездом из Рима, где я работал несколько лет, мои римские друзья посоветовали непременно познакомиться с профессором филологии Идженнио Де Лука, знатоком советской литературы и опытным переводчиком произведений Сергея Есенина.

Найти профессора в Падуе было нетрудно. Мы понадеялись, зашли в библиотеку историко-филологического факультета. Разговор пошел живо, непринужденно. Профессор И. Де Лука с энтузиазмом показал стеллажи с книгами на русском языке, рассказал о своих студентах, которые пишут дипломные сочинения по творчеству русских и советских писателей, по истории и этнографии нашей страны. И. Де Лука протянул несколько томиков Сергея Есенина в итальянских переводах. А потом сказал: «Большим знатоком я себя не считаю, но изучение русской и советской литературы времени отдал много. Занимаюсь также и переводами стихотворений Есенина».

Вспомнил И. Де Лука, как в 1945 году первый раз познакомился со стихами поэта, когда случайно приобрел в Падуе небольшой есенинский сборник советского издания. Несколько раз молодой филолог перечитал со словарем этот сборник, а потом засел за перо и написал на итальянском языке.

Целый год затратил И. Де Лука на эту работу, а затем свои переводы предложил флорентийскому издательству Сансони. Его редакторы одобрили первые опыты переводчика из Падуи и в 1946 году выпустили сборник стихов С. Есенина. Он вызвал большой интерес у читателей и был раскуплен. А поскольку есенинский сборник И. Де Лука действительно вышел удачным, то издательство Сансони выпустило его вторично без изменений и через одиннадцать лет — в 1957 году.

Профессор И. Де Лука уже долгие годы ведет курс литературы в Италии. Он постоянно занят лекциями, семинарами на всех курсах, но не оставляет своего давнего увлечения — работы по переводу творчества С. Есенина. Когда он почувствовал, что уже лучше овладевает русским языком, то перевел поэмы «Пугачев» и «Анна Снегина». Оба эти перевода вышли в туринском издательстве Эйнаути (параллельно на русском и итальянском).

Завидна увлеченность И. Де Лука, переводчика и популяризатора творчества С. Есенина в Италии, настоящего друга нашей страны. К 90-летию со дня рождения замечательного русского лирика профессор опубликовал в издательстве Эйнаути новый объемистый сборник произведений С. Есенина, снабдив его вступительной статьей и подробным научным комментарием.

Есенинская поэзия, — говорит профессор, — полюбилась многим итальянским читателям за ее самообытность и оригинальность, за искренность и глубину размышлений поэта о судьбах любимой Отчизны, за богатство красок, щедро рассыпанных в каждом стихотворении, в каждой строке.

И. Де Лука за последние пять лет дважды побывал в Москве. Он собирал в библиотеках и музеях новые материалы по избранной им теме, встречался с нашими литературоведами, был на одной из международных встреч переводчиков советской литературы, организованной Союзом писателей СССР. Во время пребывания в нашей столице профессор из Падуи обошел многие старые московские улицы, заходил в здания, связанные с жизнью С. Есенина. У него остается еще мечта —

ХОЧУ с самого начала огорчить, что Есенин — не мой поэт, я более духовный сын Владимира Маяковского и Егеше Чаренца, чем, скажем, Сергея Есенина и Аветика Исаакяна...

Однако это не мешает, а лишь помогает лучше почувствовать и понять его неповторимое величие в том ярком созвездии поэзии начала века (Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский), которое освещает весь путь новой русской поэзии.

Мне кажется, это «триединство» наиболее глубоко отобразило один из самых трудных периодов истории России, создав поэтическую летопись гибели старой России и рождения новой.

Настоящий поэт, если даже он этого не хочет, не может не выразить свое время, великие явления и перемены своего времени, независимо от того, согласен он с ними или нет (лучший пример этого — творчество Марины Цветаевой)...

Для Есенина гибель старой крестьянско-патриархальной России была трагедией, а в новом мире многое было ему не по душе, но поскольку он был большим, настоящим поэтом, то ярко отобразил свое сложное время во многих стихах и поэмах — в том числе и в поэме «Анна Снегина».

Сознательно, «умом» желая, чтобы «избавная», отсталая Россия стала сильной и мощной, оделась в железо и сталь, Есенин вместе с тем от души скорбел за каждую вырубленную для этой цели березу и, восхваляя шестие «железной конницы», плакал о судьбе бежавшего за по-

ездом запыхавшегося жеребенка...

От поэтического ясновидения Есенина родилась эта «несвоевременная» забота и тревога за природу и те его стихи, в которых он животных и зверей называет «нашими меньшими братьями».

Только так мыслящий и так понимающий природу и все

отрицать существование их. Наше сердце и чувствительность мы оставляем для жизни, и в вольное, свободное творчество входим не как наивно-отгадавшие, а как мудро-понявшие...».

Сергея Есенина можно называть и поэтом «трех матерей» — матери России, матери природы и своей род-

кал к гибели, оставляя свое дыхание в его стихах...

И однако — удивительное явление — это трагическое дыхание, эта грусть и печаль не давят на тебя, не омрачают душу, когда ты читаешь словно светящиеся изнутри стихи Есенина — начиная от его лирических стихов о природе и любви и кончая напи-

Егеше Чаренца («Товарищи», «Сорокоуст» и др.), а вслед за ним — почти все современные талантливые поэты Армении.

Еще в 1925 году в одном из своих писем из Батуми Есенин сообщает о том, что в Армении собираются издать его книгу на армянском языке. По неизвестным нам причинам эта книга не была издана, хотя на армянском языке уже тогда было опубликовано много стихов Есенина — в периодике и в книгах армянских писателей.

Есенина, как любого настоящего национального поэта, очень трудно перевести на другой язык, несмотря на это, стихи Есенина удивительно легко прозвучали по-армянски и полюбили армянскими читателями.

Одна из причин этого в том, что в многовековой армянской литературе давно стала священной традицией поэзия «трех матерей» (родины, природы, матери), непревзойденными мастерами которой у нас были Аветик Исаакян и его младший собрат по перу Ованес Шираз.

Лично я перевел свыше тридцати «хороших и очень разных» вещей Есенина — начиная от его ранних лирических стихов до «Песни о собаке», «Стансов» и «Черного человека».

Есенин — не только один из самых популярных и любимых русских поэтов в Армении. Он оказал большое влияние на таких армянских поэтов, как Гурген Маарти, Амо Сагян и Ваган Давтян. Появление даже таких «очень армянских» стихов по теме и фактуре, как «Вечерет» Амо Сагяна, было бы невозможно без благотворного влияния Сергея Есенина.

В свое время стихи Есенина переводил, наряду с другими, самый выдающийся поэт Советской Армении

Владимир СОКОЛОВ Татьяна СМЕРТИНА

ОКА
Мы так и не доехали тогда...
Какой-то лодки
не было под боком.
Запомнилась река да лебеда
На берегу довольно
невысоком.
Да то село,
глядящее с откоса
Голубоглазое и желтоволосое.
Да ребятня, да лодка на мели.
Да чей-то дед при всех его
притворствах:
— Мол, нету лодки.
Нет. Не завели... —
Да мы без шапок,
трое стихотворцев.
Да как вдали
автобус наш гудел.
Что люди ждут,
что все же есть предел...
Да мысль о том,
что родственные сени
Когда-то называл
Сергей Есенин
Не Константиновом
и не Окой.
А просто лесом,
полем да рекой.

Тоскуют, тоскуют
березы.
Осенним исходят
дождем,
И желтые листья,
как слезы,
роняют и ночью и днем.
Дрожат от мороза
под утро,
И вдруг замирают
в забвеньи.
И шепчут тоскливо
кому-то:
«Есенин, Есенин,
Есенин...».

Туманная черемуха
Пуховым взмыла
ворохом
Над черными хлевами,
Над банями, дровами...
Легко
цветами моросит
на грязь, на огороды...
Так облетели на Руси
Есенинские годы!
Так на вершине
Нежных нот,
Подкошенных косою,
Вдруг рухнул в омут
Небосвод
Отпетой синевой...

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли,
печально пролетая,
Уж не жалеют больше
ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый
в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь
оставит дом.
О всех ушедших
грязит конопляник
С широким месяцем над
голубым прудом.
Стою один среди равнины
голой,
А журавлей относит
ветер в даль,
Я полон дум
о юности веселой,
И ничего в прошедшем
мне не жаль.
Не жаль мне лет,
растраченных напрасно,
Не жаль души

«Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...». Таким мгновенным чудом кажется нам и явление поэзии Сергея Есенина.

9 МАРТА 1915 года Александр Блок отметил: «Днем у меня рязанский парень со стихами». Сохранилась записка Есенина Блоку: «Я поэт, приехал из деревни, прошу меня принять». На записке — слова Блока: «Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет, стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 9 марта 1915 года».

Так началась известность Есенина, пришедшего к нам из рязанского села Константиново, где поэт всегда ждала мать, Татьяна Федоровна... В 1917 году он скажет, обращаясь к ней, «терпеливой»:

Разбуди меня завтра рано,

Засвети в нашей горнице свет.

Говорят, что я скоро стану

Знаменитый русский поэт.

22 января 1918 года Блок записывал: «Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем «утре России» в Тенишевском зале, Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: «изменники».

Не подают руки, Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно». Блок и Есенин — в одном стане: красном. И в историю советской эпохи они вступают как поэты Великого Октября.

Там за горами горя

солнечный край непечотый.

За голод, за мора море

шаг миллионный печатай!

Это уже Владимир Маяковский. Но о том же пути к солнцу по-своему возглашали и Александр Блок, и Сергей Есенин, и Валерий Брюсов, и Демьян Бедный, и Павло Тычина, и Египсе Чаренц, и

Велимир Хлебников... О правде и прозрении Лени-на скажет Есенин в 1924 году:

И мы пошли под визг метели,

Куда глаза его глядели,

Пошли туда, где видел он

Освобожденье всех племен...

«Жить стоит только так, чтобы предаваться безмерным требованиям к жизни... Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна» — эти слова Блока могли бы повторить и Маяковский, и Есенин, многие героические люди героического времени: так они и говорили, и поступали.

А. М. Горький любил «размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи» Есенина и думал о том, что Есенин — «орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком».

Поразительно, что с этой характеристикой названо перекликается мысль Бориса Пастернака о том, что «Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией».

И здесь же Пастернак утверждает, что Есенин был «соперником» Маяковского «на арене народной революции и в сердцах людей...». Это сопоставление верно по масштабу — масштабу народной революции.

У нас сложилось как бы «распределение труда»: государственное, державное мышление — Маяковский; лиризм, березка,

нежность — Есенин; стихийность, ветер, мятеж — Блок. Между тем Блок первым сказал, что бойцы революции идут «державным шагом, государственным умом был щедро наделен Есенин. А самое пронзительное, самое величавое, что сказано в стихах памяти Есенина, — сказано, наверное, Маяковским.

РУССКАЯ удаль, русское богатство родит поэтов революции.

Достаточно услышать, как Есенин читает монолог Хлопуши из «Пугачева».

Проведите, проведите меня к нему, Я хочу видеть этого человека.

«Изумительно искренно, с невероятной силой...» — таким запомнил Горький чтение Есениным именно этих строк...

Леонид Мартынов советовал: «...не пренебрегайте рассеянно прозой Сергея Есенина — современника Ленина, Цюлковского и Эйнштейна». Он имел в виду мысли Есенина о космическом будущем человечества. И то, что масштабы Есенина — масштабы величайшей эпохи XX века.

Не случайно Николай Рубцов ощущал, что «с «Левым маршем» в лад негромкие есенинские песни так громко в сердце бьются и звучат!.. Конечно, Есенина, при всей его нежности, никак не назовешь поэтом «негромким», а уж тем более — «тихим лириком». И Рубцов это глубоко понимал, высказавшись в другом стихотворении так:

Версты все потрясенной земли,

Все земные святыни и узы

Словно б нервной системой вошли

В своенравность есенинской музыки!

Лука на эту работу, а затем свои переводы предложил флорентийскому издательству Сансони. Его редакторы одобрили первые опыты переводчика из Падуи и в 1946 году выпустили сборник стихов С. Есенина. Он вызвал большой интерес у читателей и был раскуплен. А поскольку есенинский сборник И. Де Лука действительно вышел удачным, то издательство Сансони выпустило его вторично без изменений и через одиннадцать лет — в 1957 году.

Профессор И. Де Лука уже долгие годы ведет курс литературы Италии. Он постоянно занят лекциями, семинарами на всех курсах, но не оставляет своего давнего увлечения — работы по переводу творчества С. Есенина. Когда он почувствовал, что уже лучше овладел русским языком, то перевел поэмы «Пугачев» и «Анна Снегина». Оба эти перевода вышли в туринском издательстве Эйнауди (параллельно на русском и итальянском).

Завидна увлеченность И. Де Луки, переводчика и популяризатора творчества С. Есенина в Италии, настоящего друга нашей страны.

К 90-летию со дня рождения замечательного русского писателя профессор опубликовал снова в издательстве Эйнауди новый объемистый сборник произведений С. Есенина, снабдив его вступительной статьей и подробным научным комментарием.

— Есенинская поэзия, — говорит профессор, — полюбилась многим итальянским читателям за ее самобытность и оригинальность, за искренность и глубинную размышленность поэта о судьбах любимой Отчизны, за богатство красок, щедро рассыпанных в каждом стихотворении, в каждой строке.

И. Де Лука за последние пять лет дважды побывал в Москве. Он собирал в библиотеках и музеях новые материалы по избранной им теме, встречался с нашими литературоведами, был на одной из международных встреч переводчиков советской литературы, организованной Союзом писателей СССР. Во время пребывания в нашей столице профессор из Падуи обошел многие старые московские улицы, заходил в здания, связанные с жизнью С. Есенина. У него остается еще мечта — совершить поездку в Рязанский край, побывать на родине любимого им поэта, подышать воздухом Константинова, словом, увидеть ту часть русской земли, которая дала человечеству великого лирика.

Д.М. СТЕПАНЧЕНКО. Рим — Москва.

поэтом, то ярко отобразил свое сложное время во многих стихах и поэмах — в том числе и в поэме «Анна Снегина».

Сознательно, «умом» желая, чтобы «избавная», отсталая Россия стала сильной и мощной, оделась в железо и сталь, Есенин вместе с тем от души скорбел за каждую вырубленную для этой цели березу и, восхваляя шестые «железные конницы», плакал о судьбе бежавшего за по-

ли или мудрой эмоции — обладать волшебным сплавом мысли и чувства...

И, словно полемизируя с теми, кто считает его лишь поэтом чувств и эмоций, Есенин писал: «Мы гордимся тем, что наша голова не подчинена капризному Мальчишке — серпцу».

И мы полагаем, что если у нас есть мозги в башке, то нет особенной причины

гическими были не только его жизнь и творчество, но и смерть.

Мне даже кажется, что, независимо от внешних условий и трагических обстоятельств жизни, внутри самого поэта была некая злая, демоническая сила, некий черный огонь — «черный человек», который его — молодого, красивого, обаятельного — тол-

глазами. Есенин — как, впрочем, все выдающиеся русские поэты, начиная от Жуковского и Пушкина и кончая поэтами современными, — был переведен на армянский язык еще при жизни, после издания на родном языке первых же книг. В свое время стихи Есенина переводил, наряду с другими, самый выдающийся поэт Советской Армении

собаке», «Стансов» и «Черного человека». Есенин — не только один из самых популярных и любимых русских поэтов в Армении. Он оказал большое влияние на таких армянских поэтов, как Гурген Маари, Амо Сагян и Вааган Давтян. Появление даже таких «очень армянских» стихов по теме и фактуре, как «Вечереет» Амо Сагяна, было бы невозможно без благотворного влияния Сергея Есенина.

Владимир СОКОЛОВ Татьяна СМЕРТИНА

ОКА
Мы так и не доехали тогда...
Какой-то лодки
не было под боком.
Запомнилась река да лебеда
На берегу довольно невысоком.
Да то село, глядевшее с откоса
Голубоглазое и желтоволосое.
Да ребятига, да лодка на мели.
Да чей-то дед при всех его притворствах:
— Мол, нету лодки.
Нет. Не завели... —
Да мы без шапок, трое стихотворцев.
Да как вдали автобус наш гудел.
Что люди ждут, что все же есть предел...
Да мысль о том, что родственные сени
Когда-то называл Сергей Есенин
Не Константиновом и не Окой,
А просто лесом, полем да рекой.
Мы так и не доехали тогда.
Оки не переехали...
Ну что же, Прав лодочник,
седа бороды: — Поэты? Как же, знаю.
Был Сережа...

Тоскуют, тоскуют березы,
Осенним исходят дождем,
И желтые листья, как слезы,
роняют и ночью и днем.
Дрожат от мороза под утро,
И вдруг замирают в забвеньи.
И шепчут тоскливо кому-то:
«Есенин, Есенин, Есенин...».
Туманная черемуха
Пуховым взмыла ворохом
Над черными хлевами,
Над банями, дровами... Легко
цветами моросит на грязь, на огороды...
Так облетели на Руси Есенинские годы!
Так на вершине Нежных нот,
Подкошенный косяком,
Вдруг рухнул в омут Небосвод
Отпетой синевою...
Но гляну вдаль из-под руки —
Березник рус И ветер звонок!
И всем машина вопреки
Вдоль речки Мчится жеребенок.

С. Есенин. 1915 год.

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.
Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
И ничего в прошедшем мне не жаль.
Не жаль мне лет, растрченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цвет.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.
Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром размета,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

СЛОВО О ПОЭТЕ

(ИЗ АРХИВА ПОЭТА)

В архиве поэта Рюрика Ивнева (1891—1981) сохранилась записка Сергея Есенина: «Рюрик! Будь добр, срочно зайти ко мне на Богословский. Есть одно дело, касаемое всех нас. Заходил к тебе с Мар., но не застал. Сейчас идем в Стойло, будем там час, до 12 или больше».

Целования С. Есенина».

Записка написана карандашом на клочке бумаги, с сокращениями: Мар. — поэт Анатолий Мариенгоф, друг Есенина. Стойло — кафе поэтов «Стойло Пегаса».

ЕСЕНИН и старость несовместимы. Для меня, который близко знал поэта, равно как и для миллионов читателей, Есенин — это юность, это весна, это песня!.. Была какая-то моцартовская сила в его цельной, пронзительно талантливой натуре.

Март 1915 года, Петербург. Поэт подошел ко мне, чтобы познакомиться, в антракте на одном из литературных вечеров.

Тонкий, хрупкий, почти отрок, весь светящийся и как бы пронизанный глубинной. Таким он и запомнился мне на всю жизнь.

Литературная летопись не отмечала более быстрого и легкого входа в литературу. Всеобщее признание свершилось буквально в несколько недель. Я уже не говорю о литературной молодежи, но такие «мэтры», как Вячеслав Иванов и Александр Блок, были очарованы и покорены есенин-ской музыкой — легкой, как воздух, пахучей, как свежескошенная трава, и нежной, как молодой месяц. Есенин вошел в «литературный рай», минуя «чистилище», в котором надолго задерживались многие поэты, прежде чем получить признание.

Анализируя причины такого необыкновенного успеха Есенина, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что его появлению и быстрому признанию способствовала литературная атмосфера тех лет. Несмотря на

обилие крупных ярко выраженных творческих индивидуальностей, общий климат в писательской среде Петербурга был нездоровый. Пусть просвещенный, но все же «голый эстетизм», искусство для искусства, стихи ради стихов — царили там. В душной салон вдруг ворвался свежий, бунтующий ветерок... Плюс к тому огромный талант.

Как юный Есенин читал стихи?.. Приблизительно так же, как читал их позже, но без того пафоса, что стал свойствен ему в зените славы. Казалось, он сам еще не оценил самого себя. Но стоило вам встретиться взглядом с его глазами, как «тайна» обнаруживалась, выдавая себя: в глазах его прыгали бесенята, ноздри раздувались. Конь был опьянен запахом славы и рвался всем корпусом вперед!.. За внешним «тихим и благопристойным видом» билось жаркое желание победить всех своими стихами. Помню, во время чтения он перебирал пальцами концы пиджака, словно хотел унять руки, которыми впоследствии жестикулировал свободно и смело...

Я — не критик, да и нет нужды в коротком слове цитировать и «раскладывать по полочкам» стихи Есенина; их и без того знает страна. Они входят в душу человеческую легко, как любовь и сострадание,

и манят тайной, как мечта. Есенин — продолжение русской классической поэзии, у истоков которой стоит незакаленное солнце поэзии нашей — Пушкин.

Есенин беззаветно поклонялся Пушкину. Черная крылатка, цилиндр на кудрявой голове, в руке перчатка с тростью — свидетелем почти о мальчишеском желании походить на любимого поэта.

Как Есенин писал стихи?.. Почти на моих глазах Есенин написал «Песнь о хлебе» и прочел мне, держа лист с еще не просохшими чернилами. В этом стихотворении не было ни единой помарки, оно никогда не было в руках для какого-либо издания. И, вероятно, в наследии Есенина найдется много стихотворений, написанных мгновенно. Но я знаю также, как мучительно, как долго порой рождались отдельные строки, которым, вместе с паяным, предстояло стать произведением, ясным по форме, чистым и глубинным по языку, общечеловеческим по мысли.

Дело все в том, что «ключи» от тайны обаяния есенинской лиры находятся не в шкатулке формул, а в созвучии дыхания поэта и сердцебиения его с дыханием и сердцебиением своего народа.

Любовь к поэзии у Есенина была, если можно так выразиться, врожденной. Он

необычайно остро чувствовал, когда стихотворение настоящее, идущее из глубины души, и когда оно искусственное, надуманное. Как талантливый композитор не может перенести не только фальшивой ноты, но и «внутренней» фальши, пусть задрапированной высокой техникой, так и Есенин чувствовал малейшее фальшивое звучание. С ним было легко и радостно не теоретизировать о стихах, а слушать новые его стихи и читать ему свои.

Есенин вошел в литературу на рубеже двух миров, двух социально-политических систем. И победа нового, запечатленная им в «Песне о великом походе», «Руси советской», «Балладе о 26», тесно сплелась с печалью об уходящей навсегда «золотой избе». А прощание с навсегда уходящим — тяжело...

Кем-то сказано: годы — лучший лекарь. И все же «лучший лекарь» не в силах окончательно вылечить нас от острой боли утрат. С этой вновь вспыхнувшей болью я заканчиваю мое слово о друге, о поэте Сергее Есенине. Но к боли этой примешивается и радость, ибо тот, о ком я говорю, горюча любим Россией.

1970 г.

Публикация Н. ЛЕОНТЬЕВА.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

Более 550 книжных знаков создано на есенинскую тему. Каждый художник по-своему воспринимает творчество С. Есенина. Многих привлекают

картины русской природы, так нежно и любовно воспетые поэтом. Другие за-печатлевают в эскисах портрет самого Есенина.

На мой взгляд, один из лучших эскисов выполнен московским графиком Е. Н. Голяховским.

К 90-летию со дня рождения поэта серии книжных знаков создали художники Е. Н. Кузнецова (Пятигорск), В. Г. Леонов (Владимир), В. К. Липецкий (Симферополь), И. М. Филиппенко (Винница)...

Эскиз из серии художника из Сочи М. А. Панькова (вы видите его на снимке) навеян образом есенинского «красногирого жеребенка»:

С. Есенин. 1915 год.

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней Победа стальная конница?
Второй книжный знак выполнен каргопольским художником Г. А. Кулишевым.
В. МЕРКУЛОВ.